

Свящ. Антоний Лакирев

В поисках смысла (Книга Экклезиаста)

Книга Экклезиаста в библейском и историческом контексте

Книга Экклезиаста во многом представляет собой уникальное явление в составе Священного Писания, заметно отличаясь от всех остальных его книг как содержанием, так и образом мыслей автора. Книга Экклезиаста венчает собой важное направление развития ветхозаветной религиозности, связанное с понятием мудрости (חכמה, khokhma). В известной степени ее можно считать одной из заключительных книг Ветхого Завета, наряду с пророческими писаниями предварившей эпоху прихода Спасителя. Едва ли можно назвать в составе Ветхого Завета книгу, которая могла бы сравниться с книгой Экклезиаста по своему влиянию на умы читателей на протяжении столетий, прошедших с момента ее написания. Даже далекие от веры мыслители обращались к ней как к одному из наиболее глубоких философских трактатов; место книги Экклезиаста не только в религиозной истории, но и в истории человеческой мысли неоспоримо.

По своему жанру книга Экклезиаста может быть названа философским размышлением, и этим она радикально отличается не только от исторических и пророческих книг, но и от учительных книг Ветхого Завета. Авторство и время написания книги не могут быть в точности установлены. Книга надписана как «Слова Экклезиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме»; такое надписание, очевидно, имеет в виду прославленного своей мудростью царя Соломона. Еврейское название книги «Кохелет» (קהלת, Kohelet, говорящий в собрании) происходит от קהל (kahal), означающего «собирать, созывать», что соответствует греческому ἐκκλησίω. Отсюда греческий перевод надписания «Ἐκκλησιαστής», восходящий к ἐκκλησία, народное собрание. В новозаветном греческом языке это слово стало обозначать Церковь. Слово Кохелет (Экклезиаст) может быть поэтому передано как «говорящий в собрании» или Проповедник. Свт. Григорий Нисский видит в этом имени указание на высшего Наставника Церкви — Христа.

Так или иначе, большинство исследователей сходятся в том, что надписание книги Экклезиаста представляет собой типичный для древней литературы псевдоэпиграф. Автор книги приписывает ее царю Соломону как прообразу всех израильских мудрецов, мудрейшему из мудрых. Надписывая книгу именем знаменитого царя, автор преследует главным образом цель включить свое произведение в единую духовную традицию. Не раз используется этот прием и в библейских книгах. Между тем некоторые выражения и самый язык книги Экклезиаста свидетельствуют о том, что она не могла быть написана Соломоном, но принадлежит послецарственной эпохе. Достаточно указать здесь выражения [1:12](#): «Я, Экклесиаств, был царем над Израилем в Иерусалиме», где автор говорит о своем царствовании в прошедшем времени, и [1:16](#): «я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом». Едва ли царь Соломон, царствовавший до конца своей жизни, мог бы говорить об этом в прошедшем времени; кроме того, Соломон был вторым после Давида царем в Иерусалиме, так что выражение «все, которые были прежде меня над Иерусалимом» также свидетельствует о том, что мы имеем дело с псевдоэпиграфом. Язык книги Экклезиаста, испытавший заметное влияние

арамейского языка, характерен для слепоглухой эпохи. Об этом же свидетельствуют и некоторые детали содержания книги. По предположению большинства библеистов, книга, вероятно, была написана на рубеже 4–3 вв. до Р.Х.

Если принимать эту датировку (а у нас нет серьезных оснований сомневаться в ней), ближайшими по времени написания к книге Экклезиаста окажутся написанные примерно за столетие до нее книги пророков Малахии и Иоила, а также книга Иова. Несколько позже возникли книги пророка Даниила и книги Маккавейские. В широком контексте книгу Экклезиаста следует отнести, таким образом, к середине слепоглухой эпохи, когда Ближний Восток, в том числе и Святая земля, испытали череду политических катаклизмов, наиболее важными из которых были завоевания Александра Македонского. Духовная атмосфера этой эпохи характеризовалась растущим религиозным индифферентизмом; ценности единобожия постепенно забывались; все более глухо звучал призыв к избранному народу посвятить Богу всю жизнь. Пророческие писания, возвещавшие скорое избавление и приход Мессии, перестали восприниматься всерьез. Мистический опыт пророков постепенно забывался, и вера Израиля воспринималась главным образом как закон, регламентирующий устройство жизни в посястороннем мире.

Особенно сильно сказалась на росте религиозного индифферентизма кодификация Торы и возобновление Завета, совершенные по возвращении из плена Ездрой и Неемией. Одновременно, в первую очередь среди просвещенных слоев иудейского общества, возрастал интерес к общечеловеческой культуре, не соотносимой с религиозным призванием Израиля. В результате вера и поклонение Единому Богу стали отходить на второй план и рассматриваться как часть национальной истории и фольклора, второстепенная с точки зрения устройства жизни. Особенно сильными эти настроения стали в эллинистическую эпоху. Последние пророки не раз гневно обличали религиозный формализм, ставший характерной чертой жизни Израиля позднего ветхозаветного периода. Отношения людей с Богом сводились по представлениям этого времени к исправному принесению жертв и не распространялись ни на что более; Бог Авраама, Исаака и Иакова стал в глазах иудеев во многом напоминать языческих божеств окружающих народов. В эту эпоху рождается стремление к формальному исполнению закона, столь характерное для фарисеев времен земной жизни Господа Иисуса Христа, а также и для иудейства после Нового Завета.

Наиболее значимым в жизни человека считался успех в устройении земной жизни; богатство и благоденствие стали восприниматься не только как дар Божий, но и как даваемая Богом награда за праведность. Земной успех свидетельствовал в глазах иудеев, что Бог благоволил к данному человеку; бедность и страдание, напротив, считались прямым следствием греха и неугодности Богу. Эта позиция не раз будет обличаться в проповеди Господа Иисуса Христа. В целом для духовной атмосферы эпохи характерна глубокая секуляризация сознания людей, что, несомненно, сближает ее с современным миром. И в том, и в другом случае секуляризация сознания и жизни ведет к распространению скептицизма и мучительным поискам ускользающего смысла жизни. По крайней мере стилистически, книга Экклезиаста может быть названа манифестом такого скептицизма, хотя ее содержание и значение в общеправедном контексте представляется более глубоким.

Книга Экклезиаста была включена в состав Священного Писания Ветхого Завета, наряду с другими учительными книгами, к концу 1-го в. по Р.Х. Решающую роль в канонизации книги сыграл Ямнийский канон, составленный между 75 и 117 гг. по Р.Х. Около этого времени книга Экклезиаста входит в годичный круг синагогальных чтений. Признают каноничность книги Экклезиаста и большинство христианских авторитетов.

Пролог 1:2-11. Задачи Экклезиаста

Содержание книги Экклезиаста сводится к рациональному исследованию осмысленности и ценности всего того, что составляет человеческую жизнь. С нехарактерной для библейской литературы систематичностью автор (будем называть его Экклезиастом) рассматривает видимый мир и жизнь человека в нем; сам Экклезиаст так формулирует свою задачу: «и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем» . Экклезиаст утверждает, что такое рациональное исследование — не прихоть праздного ума, но тяжкий труд, порученный человеку Самим Творцом. Так, по крайней мере, можно понять смысл этой фразы в Синодальном переводе, следующем здесь за Септуагинтой.

Общий результат своего исследования Экклезиаст выносит в самое начало книги, чтобы далее подтвердить свой вывод в рассмотрении конкретных примеров. Все, что предстает его взору, он называет суетой: «Суета сует, сказал Экклезиаст, суета сует, - все суета!». Смысл слова חבל, havel, переведенного в Септуагинте как ματαίωσις, тщета, а в славянской и русской Библиях как «суета», скорее можно передать как «ничто» или «пустое», «пустая тщета». Это слово употребляется в Библии в значении дуновения ветра, «легкого пара, тающего в воздухе». Речь идет о чем-то, ускользающем без следа и не имеющем ни смысла, ни ценности. Суета или тщета, ни за чем не нужное, бесцельное движение, лишенное прочности и проходящее без последствий, — так оценивает Экклезиаст все, происходящее в видимом мире. Излагая эту мысль в введении более пространно, он подчеркивает, что ничто не меняется в мире: «Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» . Всякое природное явление, равно как и всякое дело человека, представляются ему тщетными: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все - суета и томление духа!» Последние слова могут быть также переведены как «погоня за ветром», наиболее бессмысленное из всех представимых занятий. В целом характерные для Экклезиаста выражения «суета и погоня за ветром», много раз повторяющиеся в книге, соответствуют в современном языке слову «ерунда».

Но Экклезиаст не ограничивается этим; как «погоню за ветром» оценивает он и само свое исследование. Этот вывод приводит его сердце к печали и скорби (1:18). Однако здесь важно обратить внимание на то, что скрывается за словами Экклезиаста: прежде, чем думать о том, чего Экклезиаст не находит, необходимо понять, что он ищет. Обращаясь к поискам смысла, Экклезиаст предполагает, что он должен быть. Именно поэтому отсутствие смысла, тщетность всего наличествующего в мире повергает его в печаль и скорбь. Он ожидает найти хотя бы что-то значимое, но видимый мир ничего подобного не предоставляет ему. Кроме того, существенно, что эта предполагаемая, искомая осмысленность самым тесным образом связана с радостью и весельем человеческого сердца, а также с переживанием прочности бытия.

Тоска, которая охватывает и самого Экклезиаста, и его читателя при виде тщетности всего в мире, знаменует собой бесконечную пустоту в человеческом сердце; она имеет духовную природу и может быть заполнена только Богом. Ничто иное не может ее заполнить, ничто не обладает смыслом и значимостью. Даже религиозный опыт и все усилия благочестивого человека ничего здесь не меняют. Даже исполнение закона и путь праведности, который Экклезиаст по обычаю своего времени и окружения называет мудростью, не приносят искомой радости и прочности, ибо все плоды их поглощаются смертью.

Еще одной характерной и важной чертой в книге Экклезиаста является персонализм, в целом не характерный для ветхозаветной литературы. Лишь поздние учительные книги, традиционно называемые литературой мудрых Израиля, рассматривают мир и жизнь с точки зрения индивида.

Особенно яркой и глубокой выглядит позиция Экклезиаста на фоне

религиозного индифферентизма эпохи. Экклезиаст отказывается довольствоваться временным благом (טוב, tov), его сердце стремится к большему. Он жаждет найти смысл в вечном и недостижимом для человека счастье (יתרון, ithron). Этому высшему, предельному счастью, не находимому Экклезиастом, ничто не соответствует в том опыте ветхозаветной жизни, который подытоживает его книга. Только одно понятие в Библии можно сопоставить с тем высшим счастьем, которое он ищет, и это — евангельское μακαρίτης, блаженство.

Строго говоря, невозможно определить, являются ли эти позиции исходными, наперед заданными для Экклезиаста, или же они сформировались как плод его духовного опыта и мудрости. В последнем случае основная мысль автора может быть кратко сформулирована следующим образом: «в человеческой жизни должен быть смысл, радость и благо; человеческая жизнь должна иметь вечное измерение; без этого жить невозможно — но нигде в мире я этого не нашел». Подтверждением этому призваны стать следующие главы книги.

Тщетность земной мудрости и наслаждений (1:12 — 2:26)

В последних стихах первой главы и во второй главе Экклезиаст говорит о мудрости и жизненных удовольствиях, которые он испытал в течение своей жизни. Все это он оценивает как тщетное; сердце его радовалось от трудов, но с точки зрения Экклезиаста плод этих удовольствий ничтожен: «И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, все — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!»

Ниже он скажет о том, что смерть — великий уравниватель — стирает разницу между нищетой и богатством, удовольствиями и страданием, потому что ничего из этого человек не возьмет с собой в могилу. Быть может, следующее поколение, наследующее человеку, придаст смысл его трудам? Нет, говорит Экклезиаст: глупый наследник лишь расточит то, над чем трудился человек во все дни жизни своей. Будущее неподвластно смертному человеку, поэтому труды его — тоже погоня за ветром. Довольствоваться необходимым и получать насущное — вот что могло бы стать утешением человеку; но это — в руке Божьей и не зависит напрямую от человеческих трудов.

Эти размышления Экклезиаста перекликаются с притчей Господа Иисуса Христа о безумном богаче (Лк. 12:13-21). В ней Господь говорит: «Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» Евангелист Лука непосредственно после этой притчи приводит слова Христа о полевых лилиях: «говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них». Упоминание Соломона предполагает не только содержательную, но, возможно, и генетическую связь притчи Христа с размышлениями Экклезиаста. И здесь же Господь дает Свой ответ на разочарование, постигшее Экклезиаста на пути мудрости, богатства и удовольствий: «наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам». Однако это ответ Самого Христа; для Экклезиаста он остается недоступным. Можно сказать, что разочарование Экклезиаста проводит грань между человеческим опытом Ветхого Завета и новозаветным Откровением.

Тщетность человеческих усилий (3:1 — 5:19)

а. 3-я глава

Знаменитые стихи, помещенные в начале третьей главы, скорее могли бы принадлежать эллину, чем человеку библейской культуры. Экклезиаст с непередаваемой скорбью говорит о том, что все в мире подчинено законам круговращения, все возвращается на круги своя. Дела и поступки человека объясняются, по его словам, не столько свободной волей, сколько сложением обстоятельств, послушных мировым законам. Человек подобен марионетке: приходит время плакать, и он плачет, приходит время смеяться — он смеется...

Но, насколько можно судить по дальнейшим словам Экклезиаста, сам он не вполне разделяет это мрачное мировоззрение, скорее оно является для него объектом исследования. Сразу после этих красивых и печальных сентенций он говорит о понятии, прямо противоположном времени и управляющим им законам — он говорит о тайне вечности. Таким образом, в отличие от эллинских мыслителей, за мировым круговращением Экклезиаст видит иное, видит, насколько чужеродным выглядит человек в бесконечно повторяющемся мире предопределенностей.

Тщетность земного благополучия приводит Экклезиаста к мысли о Том, Кто дарует его человеку. Все происходящее в руке Его, и всему Он определил свое время; ничто не выйдет за пределы Божественного замысла. Экклезиаст исповедует благость дел Божьих и говорит о вечности (עוֹלָם, ha-olam), которую Бог вложил в сердце человека. Синодальный перевод следует здесь Вульгате, предлагающей чтение «et mundum tradidit disputationi eorum»; Септуагинта передает olam как αἰών, вечность. Этой версии следует славянский перевод («всякий век дал есть в сердце их») и современные переводы. «Вложить в человека вечность» значит одарить его богоподобными свойствами, наложить на человеческую природу отпечаток вечности, божественности».

Именно эта принадлежность к вечности противоречит опыту, изложенному Экклезиастом в предыдущей главе, именно она делает бессмысленность и тщетность земной жизни столь нестерпимой. Однако ответ на это остается тайной для Экклезиаста, на что он и указывает в [3:12-15](#).

Видимая же участь человека роднит его с животными. В [3:16-22](#) Экклезиаст предлагает читателю уникальное для всей Библии рассуждение о том, что без Бога, без вечности, вложенной Им в человеческое сердце, люди сами по себе — животные. Как животные, человек умирает и обращается в прах, и «не имеет преимущества перед скотом; потому что все — суета!» Различие между животными и человеком Экклезиаст видит в принадлежности духа людей горнему миру, но он подчеркивает, что это — лишь мнение. Невозможно не обратить внимание на эволюционистский по своей сути характер этого рассуждения. Впрочем, для самого автора важно здесь, что только дар вечности делает человека человеком.

b. 4-я глава

В конце третьей главы Экклезиаст говорит о смерти как об участи, общей для человека и скота. Смерть — слишком важная вещь, чтобы не подвергнуть ее внимательному рассмотрению. И Экклезиаст делает это, исходя из библейских миру представлений о посмертной участи человека.

О том, что «происходит» после смерти человека, библейские авторы говорят скупой и разноречивой. Представление о посмертной участи человека развивалось постепенно, и откровение Бога в этом развитии интерферировало с собственными представлениями людей. Самое существенное в этом откровении оставалось вне осмысления. В народе Божьем бытовало свойственное многим соседним с ним народам представление о загробном мире как о мрачном и безжизненном месте, где ничего не происходит. Это как бы «склад» человеческих душ, который библейские авторы называют «Шеол» (русская Библия использует греческое слово «ад»). О Шеоле известно лишь, что в нем нет жизни и что из него нет возврата. Однако библейские авторы твердо верили, что Бог (и только Он один) может вывести человека из Шеола. Начиная с 8-го века до Р.Х. библейские авторы пытаются выразить откровение о том, что Бог может спасти из Шеола всего человека — и его душу, и его тело. В первой половине 6-го века до Р.Х. пророк Иезекииль говорит о воскресении мертвых как об участи, уготованной тем, кто верит Богу и стремится к Нему.

Однако Экклезиаст как будто не знает пророчества Иезекииля. Скорее всего, как и большинство израильтян после пленной эпохи, он воспринимает его как

красивый образ, описывающий восстановление Иерусалима и Храма после разрушения — и ничего более. Возможно, мысль о воскресении мертвых просто не вмещается в сознание людей до Воскресения Христова. Так или иначе, для Экклезиаста не существует категорий посмертного бытия и воздаяния. Эллинистическое представление о рае и аде ему также чуждо. Размышляя о смерти, он обращает внимание на совсем иные вещи. В жизни он видит признаки умирания — страдание, одиночество и непрочность. Смерть и погружение в Шеол делают их совершенно бессмысленными и нестерпимыми. Как всепроникающий яд, они настолько отравляют жизнь, что участь нерожденного, не видевшего зла, кажется Экклезиасту лучше участи умершего и тем более живого.

Но важнее всего, быть может, слово «утешитель», которое Экклезиаст дважды использует в начале главы. Думая о бессмысленности страданий перед лицом смерти и Шеола, он ищет не воздаяния в загробной жизни. Напротив, его сердце говорит ему о нужде человека в Том, Кто утешит его.

с. 5-я глава

Экклезиаст подвергает анализу представление человека о счастье, чтобы увидеть, может ли что-нибудь утолить жажду вечности, которую Бог вложил в его сердце. Но в мире он видит лишь страдание. Жизнь — череда бессмысленных трудов, сопряженная с множеством несправедливостей. Зависть и одиночество, обман и притеснение отравляют жизнь и бедного, и богатого, царя и простолюдина. И это страдание так же бессмысленно, как и изобилие и довольство, испытанные Экклезиастом во 2-й главе. Разительно несоответствует земная участь человека тому дару вечности, который он получает от Бога. И единственное, что остается человеку, — принимать то, что выпало на его долю и пытаться радоваться этому.

Особое место в пятой главе занимают начальные слова о поклонении Богу. «Будь готов более к слушанию, нежели к жертвоприношению», — наставляет он читателя вразрез с расхожими представлениями своей эпохи. Подобно пророку Самуилу, сказавшему царю Саулу, что «послушание лучше жертвы и повиновение — тука овнов» ([1 Цар. 15:22](#)), Экклезиаст видит смысл веры и поклонения Богу в том, чтобы помнить о Нем и слушаться гласа Его (позже редактор книги повторит эту мысль в заключительных стихах последней главы), и больше всего поражает то, что мысли Экклезиаста о богопознании и поклонении Богу этим и ограничиваются. Слушание Бога, которое могло бы полностью преобразить суетную земную жизнь, понимается им лишь как послушание закону, исполнение заповедей. Согласно духовному опыту Экклезиаста, само по себе оно еще не дает полноты Богообщения (поэтому, в частности, Экклезиаст может быть назван последней предновозаветной книгой).

Нет утешителя в страдании, и Бог далек от человека, а все остальное — суета. И Экклезиаст заключает пятую главу словами о том, что человеку остается довольствоваться тем малым благом, которое Бог дает ему в этой жизни. Однако в следующей главе прямой и честный ум Экклезиаста оспаривает этот тезис.

Ничтожность богатства и славы (6:1 — 8:17)

а. 6-я глава

Богатство и слава даются человеку Богом; но и обладание ими Экклезиаст тоже расценивает как суету и погоню за ветром. Смерть полагает предел пользованию богатством, а посмертная участь неподвластна человеку. На этом основании Экклезиаст строит глубокое различие между земными потребностями человека и тем, что нужно его душе. Богатство приносит лишь обилие пищи: «Все труды человека — для рта его, а душа его не насыщается». Ни благополучие, ни долгая жизнь, к которой стремятся люди, ни даже многочисленное потомство и слава не насыщают душу. Но без этой таинственной пищи духа, без того, чем душа человека может наслаждаться подобно тому, как тело наслаждается земными

удовольствиями, нет смысла жить.

Это очень серьезный вывод, который можно назвать главным во всей книге: ничто земное не насыщает душу, но если душа не обретает своей таинственной пищи, жизнь утрачивает смысл. «Не одним хлебом живет человек, но всяким [словом], исходящим из уст Господа, живет человек», было сказано во Второзаконии. Экклезиаст утверждает то же самое; кроме того, для него пища души первична по отношению ко всему остальному, даже по отношению к самой человеческой жизни.

На первый взгляд, Экклезиаст ничего не говорит о том, что же может «насытить душу», стать для нее источником радости и жизни. Но здесь, быть может, следует обратить внимание на то, о чем он не говорит. Систематически рассуждая о человеческой жизни и о том, из чего она состоит, касаясь и благочестия и отношений с Богом, Экклезиаст ни в чем не находит того, что могло бы «насытить душу». Однако он подчеркнуто оставляет за рамками своего исследования опыт непосредственного общения человека с Богом, Избавителем Израиля. Для мудреца и исследователя, живущего в послевоенную эпоху, когда Бог посылал к своему народу множество пророков (последние из них, возможно, были современниками автора), такое умолчание может быть только преднамеренным.

Лишь Сам Всемогущий, Чье бытие окутано тайной и непостижимо для сынов человеческих, остается за рамками исследования Экклезиаста. Это, в сущности, естественно, так как Господь (во всяком случае — для Экклезиаста) пребывает за гранью человеческого мира. Но коль скоро ничто в человеческом мире не может «насытить душу», а душа тем не менее требует насыщения, следовательно, ответ на поиски Экклезиаста может быть только у Бога.

И Господь дает этот ответ, говоря: «истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру» и «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда». И хотя для Экклезиаста этот ответ еще не прозвучал, почему слова его и исполнены печали, он предполагает, что ответ на вопрос о Хлебе жизни должен существовать; хотя сам он и не находит его, его печаль открывает путь надежде.

в. 7-я глава

Начиная с 7-й главы Экклезиаст говорит о прообразах, бледных подобиях того высшего блага, которое, как он обнаружил, недостижимо для человека. Все, о чем идет речь во второй половине книги, обозначается как חכמה, tov: мудрость и умеренность, благочестие и справедливость. В них нет подлинного счастья (אִתְרוֹן, ithron), но все же, по мнению Экклезиаста, человек находит в них его подобие. В относительном и кратковременном житейском благе заключен прообраз евангельского блаженства, и это придает призрачному и несовершенному временному благу хотя бы какую-то ценность.

Седьмая глава по содержанию и литературной форме очень близка к другим произведениям «мудрых Израиля». Она содержит ряд афористичных сентенций, связанных мыслью об относительности хорошего. В предыдущих главах Экклезиаст делает вывод о суетности всего в мире и о том, что ничто земное не может насытить душу человека. Но и в этом земном и суетном он тщательно различает хорошее и плохое, пусть даже это лишь «более хорошее» и «более плохое». Яркий пример — первая строка главы: «Доброе имя лучше дорогой масти».

Несколько высказываний 7-й главы открывают читателю то, что Экклезиаст знает и думает о Боге. Наиболее загадочное из них — [7:14](#): «Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй: то и другое соделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него (אֵיךְ יִרְדָּא)», как предалагет Синодальный перевод. Другие варианты перевода последних слов фразы таковы: «то и другое сотворил Бог, чтобы не мог человек постичь Его дела», «чтобы

человек ничего не мог сказать после себя». Славянский перевод, слепо копируя Септуагинту, говорит здесь «сие сотвори Бог, о глаголении, да не обрящет человек за Ним ничтоже»; сама же Септуагинта в словах «περὶ λαλιᾶς, ἵνα μὴ εὖρη ὁ ἄνθρωπος ὀλίω αὐτοῦ μηδέν» имеет в виду «так все сотворил Бог, чтобы ничего сказать не смог человек после Него». Вульгата предлагает здесь чтение «sic et illam fecit Deus ut non inveniat homo contra eum iustas querimonias»: «то и другое сотворил Бог так, чтобы не нашел человек против Него справедливого сетования». Европейские переводы предпочитают вариант «чтобы человек не знал о том, что будет после». Таким образом, возможны два варианта понимания этих слов: а) Бог сотворил благо и несчастье, чтобы человек не мог знать своего будущего и б) Бог сотворил благо и несчастье, чтобы человек не мог роптать. Так или иначе, Экклезиаст говорит о смирении человека перед волей Творца, посылающего ему благо и несчастье. Эта пессимистическая точка зрения характерна для «мудрых Израиля», да и для всего Ветхого Завета в целом. Лишь пророки смотрят на это несколько иначе, полагая, что несчастье — плод собственных помыслов человека в мире, устроенном по благовому Закону Творца (ср. [Иер. 6:19](#)). Но именно эта позиция мудрецов будет распространена в умах людей, когда прозвучит важнейшее откровение Христа: «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» ([Лк. 12:32](#)).

Далее, в 20-м стихе Экклезиаст в рамках своего исследования напоминает читателю важную мысль о том, что «нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы». Для автора она обосновывает призыв, с одной стороны, не зависеть от человеческих мнений и суждений, и, с другой стороны, — воздерживаться от осуждения, которое будет запрещено Христом Спасителем. Но и само по себе это утверждение весьма важно; забвение его ведет человека к фарисейскому самодовольству.

Исключительно важна для библейской антропологии заключительная фраза 7-й главы. Экклезиаст, как и многие другие библейские авторы, говорит о том, что Бог сотворил человека праведным (букв. правым, прямым). Таким образом, ответственность за грех лежит на самом человеке: он сам разрушает изначальную праведность (прямоту). Обращает на себя внимание сходство этой фразы с последней фразой первой, стихотворной части главы: «кто может выпрямит то, что Он сделал кривым?» ([Еккл. 7:13](#)). Этим контрастом Экклезиаст еще раз подчеркивает, что Бог не сотворял греха, но сам человек повинен в нем. Смысл последней фразы, в которой Синодальный перевод, как и славянский текст, следует за Септуагинтой, можно передать так: «человек ищет слишком многих выдумок», то есть, говоря привычными словами Экклезиаста, гоняется за ветром.

с. 8-я глава

В 8-й главе Экклезиаст обращается к социальной стороне жизни, и формулирует несколько существенных выводов. Первый из них, — об отношении к власти. По Экклезиасту, приказание царя следует исполнять не ради царя и его власти, а ради верности Богу, что напоминает [Пс. 14:4](#): «кто может обитать на святой горе Твоей... кто клянется, хотя бы злему, и не изменяет». Царь в глазах Экклезиаста лишен всякого героического ореола, он силен и безответствен, но власть его не распространяется на дух. Главный же вывод содержится в 9-м стихе, который разные переводы передают по-разному. Синодальный перевод, вслед за Вульгатой и европейскими переводами, выражается мягко: «бывает время, когда человек властвует над человеком во вред ему». Славянский перевод высказывается куда более определенно: «вся, во еликих обладан есть человек над человеком — еже озлобити ему». Это точный перевод Септуагинты, в которой сказано «τὰ ὅσα ἐξουσιάζατο ὁ ἄνθρωπος ἐν ἄνθρωπῳ τοῦ κακῶσαι αὐτόν», «насколько властвует человек над человеком — вредит ему». Для Экклезиаста вполне жива и значима идея теократии, но он не признает власть человека над человеком прообразом этой теократии или приближением к ней. В этом с Экклезиастом расходятся многие теоретики и практики религиозно-государственных отношений новозаветной эпохи. Не совпадает с этой точкой

зрения и функциональный подход к государственной власти, характерный для апостольских посланий. Последние, не считая власть иконой теократии, все же находят ее полезной для поддержания порядка в обществе. Но Экклезиаст говорит об ответственности человека перед Богом, и власть людей кажется ему в этом случае только вредной.

В следующих стихах мы находим удивительное свидетельство о вере Экклезиаста, такой, казалось бы, скрытой. Как и многие библейские авторы, Экклезиаст размышляет над судьбой праведника и нечестивого. Он констатирует, что «нескоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло». В отличие от пророка Аввакума, который страстно нуждался в объяснении этого факта, Экклезиаст принимает его как нечто печальное, но естественное. Но, как и Аввакум, услышавший на свое вопрошание слова «праведный верой жив будет», Экклезиаст опирается на веру. «Хотя грешник сто раз делает зло... но я знаю, что благо будет боящимся Бога». Здесь библейская вера противоречит жизни, но Экклезиаст, скептик и пессимист, все же оказывается укорененным в пророческой традиции и в вере отцов. За его словами «я знаю» скрывается глубокое благоговение перед тайной Бога и вера в благость Его замыслов.

Заканчивается восьмая глава словами о делах Божьих, которые человек «не может постигнуть... сколько бы ни трудился в исследовании». Мысль Экклезиаста останавливается перед гранью, проникнуть за которую она не в силах. Познание Бога, центральное в библейском богословии, невозможно рациональным путем. То, что Экклезиаст ясно понимает это и обходит этот вопрос благоговейным молчанием, делает его мироощущение предельно точным и целомудренным. Для него очевидно, что ответ на вопрос о том, что может «насытить душу», кроется в области откровения; но Бог открывает человеку не ответы на вопросы, а Самого Себя, и только по Своей инициативе.

Кроме того, утверждение о непостижимости самого глубокого и важного в мире — тайны Творца, делает книгу Экклезиаста «книгой ожидания», подобной книгам великих пророков. Наряду с ними, всем сердцем ждущими явления славы Всемогущего, Экклезиаст — тоже «чающий утешения Израилева». Можно сказать, что по Рождестве Сына Божьего праведный Симеон говорит «Ныне отпускаеши раба Твоего» и от имени Экклезиаста и родственников ему ветхозаветных мыслителей и праведников.

Участь человека (9:1 — 12:8)

а. 9-я глава

В следующем разделе, включающем последние четыре главы, Экклезиаст обращается к размышлению о том, что может быть позитивного в жизни человека до и вне того, как Бог Сам явит Себя миру. Как было сказано выше, Экклезиаст полагает, что при всей недостижимости высшего блаженства для человека в жизни могут быть найдены некоторые его отблески. Мысль его парадоксальна; он начинает свои рассуждения с того, что всему и всем — одна участь, смерть. Существенно важно, что Экклезиаст подвергает этот очевидный, в сущности, факт нравственной оценке. «Это-то и худо, — говорит он, — что одна участь всем». Мир, который окружает Экклезиаста, находится еще в полной власти смерти — но мудрец отказывается признать этот порядок вещей правильным. Он не видит решения этой проблемы, он не в силах привести аргументы, почему несмотря на торжество все уравнивающей смерти следует избирать мудрость и добро. Но он сердцем знает, что это так — и пытается донести это до читателя.

В начале 9-й главы Экклезиаст подробно и точно формулирует ветхозаветное представление о смерти как антиподе жизни. Он говорит о Шеоле, в котором пребывают мертвые, как о месте, где нет ничего из того, что есть в жизни. «Мертвые ничего не знают... любовь их и ненависть их... уже исчезли, и нет им

более части ни в чем, что делается под солнцем»; «в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости». Более того, Экклезиаст утверждает, что мертвым нет и воздаяния, «ибо память о них предана забвению». Суд Божий, о котором не раз говорит Экклезиаст, не распространяется им на загробную жизнь. Таково представление о посмертной участи людей всего Ветхого Завета; оно разительно отличается от представлений, сложившихся в раннехристианской среде. Лишь отчасти можно объяснить это различие тем, что греческий перевод называет Шеол термином ᾗδης (аид, ад), привнося тем самым в религиозную культуру эллинистические представления об аде. Главным же образом дело в том, что Ветхий Завет (как, впрочем, и Новый) весь направлен к жизни, а не к смерти. Идея посмертного воздаяния чужда Библии потому, что для нее, в отличие от язычества, смерть и посмертие — неестественное, ненормальное явление. «Бог не сотворил смерти» ([Прем. 1:13](#)) и «Бог сотворил человека правым» ([Еккл. 7:29](#)), поэтому смерти не должно быть — а значит, нет в замысле Творца и места для посмертного воздаяния. Таким образом, идея о том, что нечестивые и злые будут мучиться в аду, а праведники — вкушать нектар и амброзию, чужда Ветхому Завету. Другое, совсем другое дает в нем надежду на справедливость — непостижимое ожидание прихода Бога в мир и выведения людей из Шеола. В этом будет явлена правда Божья: те, кто помнил о Боге в жизни, не будут забыты Им в смерти. Поэтому Экклезиаст говорит о мертвых, что и память о них предана забвению. И это — почва, в которую будут посеяны слова Христа: «и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения» ([Ин. 5:29](#)).

Из представлений Экклезиаста о смерти вытекает и его призыв радоваться тому хорошему, что есть в жизни. Эти радости, которые находит Экклезиаст, довольно просты и непритязательны, и тем глубже сокрытая в них тайна истины. Первое, что предлагает он вниманию читателя, — радость о дарах Божьих, единство мужчины и женщины и созидание. Далее, в конце 9-й и в 10-й главах, Экклезиаст говорит о мудрости, которая для него — путь жизни перед лицом неизбежной смерти.

в. 10-я глава

Вся 10-я глава книги Экклезиаста посвящена рассуждениям о том, что такое мудрость и насколько она лучше глупости. Основная мысль Экклезиаста выражена в первом стихе главы: «Мертвые мухи портят... масть мироварника». Мудрость, как и сама жизнь, оказывается в глазах Экклезиаста очень хрупкой вещью. Об этом он говорит в последнем стихе 9-й главы: «Мудрость лучше воинских орудий, но один погрешивший погубит много доброго». В 10-й главе Экклезиаст уподобляет мудрость добру и жизни, а глупость — злу и смерти. Испортить мудрость небольшой порцией глупости легко, а преодолеть последствия глупости очень трудно. Точно так же жизнь легко погубить небольшой порцией зла, а преодолеть смерть невозможно.

Среди советов Экклезиаста выделяются его слова о кротости, которая также рассматривается им как проявление мудрости. «Кротость покрывает и большие проступки», несколько неуклюже выражается здесь Синодальный перевод. Современный перевод предлагает толкование «кто владеет собой, тому многое простят». Древние же переводы, Септуагинта и следующие ей здесь Вульгата и славянский перевод, говорят: «яко изцеление (ἰαμα, curatio) утолит грехи велики». Речь идет о кротости, которая является свойством духовного здоровья, и поэтому в устах Экклезиаста это понятие синонимично мудрости и жизни. Таким образом, мы видим здесь ветхозаветное предвидение слов Христа «блаженны кроткие...».

с. 11-я глава

Рассуждения о мудрости как о пути жизни заканчиваются отнесенным к 11-й главе призывом к щедрости. Необходимость быть щедрым обосновывается, по мысли Экклезиаста, тем, что человек не знает воли Божьей о дарованном ему благе, и эта мысль очень созвучна тому, что говорит в Евангелии Спаситель: «даром получили, даром давайте». Экклезиаст советует «давать часть» многим людям, потому что человек не знает, что ждет его впереди. Хлеб, отданный другим, возвратится к щедрому человеку, подобно тому, как возвращается испарившаяся влага из облаков. В земном и ограниченном масштабе эта мысль является, тем не менее, предвестием грядущих слов Христа «кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» ([Мф. 16:25](#)).

Далее Экклезиаст говорит еще одну важную и удивительную вещь. Щедрость, достойная мудрого человека, не должна сдерживаться чрезмерной осмотрительностью («кто наблюдает ветер, тому не сеять»), потому что через добрые дела человека совершается дело Божие на земле. Экклезиаст описывает это как чудо и тайну, говоря, что «как ты не знаешь... как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога». В тайне, скрытно от человеческого взгляда, дело Бога все же совершается на земле — довольно неожиданная мысль в устах Экклезиаста, который не нашел в жизни ничего, кроме суеты и погони за ветром. Едва ли следует воспринимать сопоставление дела Божьего и того, «как образуются кости во чреве беременной» как пророчество о Воплощении; тем не менее слова о том, что Бог присутствует и действует в человеческом милосердии — важное прозрение, готовящее читателя к Благой Вести Христа.

d. 12-я глава

Заканчивается книга Экклезиаста призывом помнить Создателя, в руки Которого отходит дух человека. Не найдя ни в чем на земле ни смысла, ни вечности, Экклезиаст указывает на Самого Бога как на ответ на потребность человека в том и другом. Важно, что спасение от бессмысленности бытия находится для Экклезиаста вне рамок земного существования; нет его и в посмертном разделении души и тела. Однако слова о том, что дух человеческий возвращается к давшему его Богу, выражают глубокую надежду. В Шеоле, составляющем посмертную участь человека, нет ни жизни, ни Бога. Но Экклезиаст знает (и сообщает об этом читателю), что низведение в Шеол не исчерпывает замысла Божьего о человеке.

Заключают книгу несколько строк, добавленных переписчиком или редактором, в которых повторяется последний вывод Экклезиаста, что единственно возможный для человека смысл жизни — в том, чтобы ходить пред Богом. Этот вывод совпадает с Заветом, который Бог заключил с Авраамом; совпадает он и с тем, как видят путь жизни пророки: «О, человек! сказано тебе, что — добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим».

Нельзя не обратить внимание на то, что в сопоставлении с основной частью книги Экклезиаста заключительные строки выглядят несколько чужеродно. Дело даже не в том, что слова о мудрости Экклезиаста явно добавлены переписчиком или редактором; самая мысль, высказанная в этих стихах, не вытекает из текста книги. Призыв бояться Бога как будто вставлен для того, чтобы сгладить впечатление от пугающе безысходного текста. Между тем в общебиблейском контексте принципиально важно, что разочарование Экклезиаста не обходит стороной и современной ему религиозности. Призывая в заключении ([Еккл. 12:1](#)) жить, помня Создателя своего, Экклезиаст говорит о том, что даже памятование о Боге не отменяет смерти, которая разделяет плоть и дух. И этот пассаж, говорящий, казалось бы, о самом главном, тоже заканчивается общим рефреном о том, что все — суета. Этот факт делает книгу Экклезиаста итоговой в первую

очередь для духовной и религиозной истории ветхозаветного человечества. Вся глубина ветхозаветной религии оказывается в глазах Экклезиаста почти столь же безжизненной, сколь и мирское бытие человека.

Заключение

Созданная в эпоху религиозного индифферентизма, во многом напоминающую современный мир, книга Экклезиаста в первую очередь является призывом к серьезному отношению к жизни. Экклезиаст ищет смысл жизни в значительной степени потому, что его современники отказались от этих поисков, довольствуясь сиюминутным благом. Кроме того, Экклезиаст наглядно демонстрирует тщетность такой ограниченности: нет в мире ничего, что могло бы насытить душу человека, и дар вечности дан нам Богом для того, чтобы жить именно этим даром.

Книга Экклезиаста подводит итог всему ветхозаветному опыту, религиозному и житейскому, и этот итог неутешителен. Экклезиаст постоянно подчеркивает, что перед лицом тщетности всего сущего и неизбежности смерти только Сам Бог может наполнить человеческую жизнь смыслом и благом. Поэтому ответом на все вопросы и на всю печаль Экклезиаста могут быть только Заповеди Блаженства. В них Господь Иисус Христос говорит о том, в чем даруется для человека то высшее благо, которое Экклезиаст находит недостижимым. И, точно так же, ответом на скорбь Экклезиаста о всевластии смерти является только Воскресение Христово.

Мироощущение Экклезиаста, свойственно, вероятно, далеко не только одному автору этой книги. Скорее можно думать, что оно отражает мысли и чувства нескольких поколений мудрецов Израиля. Эта среда всего несколькими столетиями позже становится одним из главных адресатов Благой Вести. Обращенная ко всему человечеству, проповедь Спасителя звучит тем не менее в определенном религиозном и культурном контексте. Важное место в нем принадлежит именно духовным наследникам Экклезиаста. Нельзя не отметить в этой связи, что книга Экклезиаста занимала наряду с другими произведениями мудрых Израиля важное место в ежегодном круге синагогальных чтений. Доведенный до логического предела скептицизм Экклезиаста напрямую приводит к идеологии саддукейства. Напротив, люди, глубоко воспринявшие размышления Экклезиаста о том, что ничто в земной жизни не может насытить человека, могут с полным правом быть названы «чающими Утешения Израилева». Человек, переживающий реальность бытия в соответствии с мыслями Экклезиаста так или иначе может быть назван «побелевшей нивой», потому что сердце его готово для того, чтобы услышать ответ Спасителя на свои мучительные вопросы.